



Сергей
ГОЛУБИЦКИЙ
специально
для «Новой»

На портале журнала Wired — культового прожект интеллектуалов, влюбленных в информационные технологии, есть закрепленный раздел Most Popular. В первой пятёрке самых популярных публикаций, в окружении сплошь свежих статей, устойчиво висит текст Энди Гринберга, озаглавленный «Как целая нация превратилась в тестовую лабораторию России по ведению кибервойны», написанный в июле 2017-го.

Стало любопытно: это что же нужно такое написать, чтобы тема не отпускала многомиллионную аудиторию Wired почти полтора года?!

В статье Гринберга рассказывается о том, как ровно в полночь накануне Нового, 2016-го года в Киеве погас свет. Главный герой — специалист по украинской кибербезопасности, вспомнил, что в декабре 2015 года (опять-таки в полночь) свет тоже погас. Было очень холодно и из-за нарушения в подаче электроэнергии трубы отопительной системы едва не лопнули, а люди едва не замерзли.

Несмотря на то что свет зажали уже через пару часов, специалист по украинской кибербезопасности сразу догадался: работают русские хакеры. Почему? Свет, может быть, и гас лишь дважды за два года, зато все остальное время страну непрерывно преследовали цифровые апокалиптические омены: в СМИ и на электростанциях, в транспортных и военных структурах, у политиков и аналитиков постоянно ломались компьютеры, исчезали файлы, самопроизвольно стирались данные.

Президент Порошенко прямо сказал: «За два последних месяца на 36 украинских объектах было произведено 6500 кибератак». Международные специалисты по кибербезопасности из-за отсутствия достаточных доказательств ограничились намеками, но у президента Порошенко сомнений не было: «Расследования украинских экспертов однозначно указывают на прямую или косвенную вовлеченность российских спецслужб, развязавших кибервойну против Украины».

Далее Гринберг обстоятельно излагает подробности взломов украинских компьютеров, описывает запертые загрузочные сектора жестких дисков и сокрушается о неспособности антивирусных программ противостоять саранче из Пятой печати грядущего киберапокалипсиса, явившейся в образе червя KillDisk и трояна BlackEnergy.

В 2014 году калифорнийская компания FireEye, специализирующаяся на кибербезопасности, возложила вину за распространение вредоносного кода KillDisk и BlackEnergy на территориях Польши и Украины на российскую хакерскую группу Sandworm, и эта версия впоследствии легла в основу официальной американской позиции.

С тех пор американские специалисты рука об руку с украинскими коллегами денно и нощно изучают подрывную деятельность «кремлевских хакеров» на Украине, которую, как объясняет Гринберг, Россия превратила в тестовый полигон для будущей кибервойны против Соединенных Штатов и остальных стран свободного мира.

Такая вот вышла статья у Энди Гринберга, наполненная сочным макабром и оттого пользующаяся заслуженной популярностью у технической интеллигенции.

Зачем, спрашивается, я вспомнил в ноябре 2018-го кибератаки на Украину двухлетней давности, хорошо изученные и подробно описанные? Затем, что статья Гринберга грубо деформирует истину, причем сразу по двум направлениям — информационному и временному.

Смысл информационной деформации заключается в проталкиваемой читателям Wired иллюзии, согласно которой цифровой апокалипсис ведет лишь один — русский — всадник.

Смысл временной деформации — в представлении о кибервойне как о чем-то грядущем, ожидаемом в будущем.

Из уважения к интеллектуальному потенциалу читателей «Новой» мне бы хотелось расставить правильные акценты в этой теме и уберечь нас всех от пропагандистской примитивизации, которую навязывает статья Гринберга.

Начну с временной деформации. Реальность такова, что кибервойна не вот-вот начнется, а ведется уже давным-давно, едва ли не с рождения Мировой паутины.

Романтики вроде Тима Беренса-Ли задумывали Web как *позитивное цифровое пространство*, в котором люди смогут реализовывать свой творческий потенциал и обмениваться возвышенными импульсами. Предполагалось, что виртуальное сообщество станет альтернативой пако-стям реальной жизни.

Случилось, однако, то, что только и могло случиться: интернет стал банальным отражением реальной жизни, а злая природа человека проявилась в нем с удвоенной силой благодаря анонимности и безнаказанности.

В 90-е годы цифровое сообщество училось сбиваться в волчьи стаи и оттачивало специфические орудия ведения враждебных действий в духе Томаса Гоббса (*bellum omnium contra omnes*). В нулевые анархия закончилась и произошло структурирование цифрового пространства на принципах национального и геополитического *суверенитета*.

Еще в 30-е годы прошлого века немецкий философ Карл Шмитт дал замечательное определение *суверена* как «того, кто принимает решение о чрез-

«Американцы выпустили джинна из бутылки, поэтому подключение к гражданской войне за суверенные права России и Китая было лишь вопросом времени»

вычайном положении». Для того чтобы национальные и транснациональные элиты могли реализовывать собственные претензии на власть, требуется «чрезвычайное положение», которое в идеале устраивать не в родном государстве, а на обособленной территории — «двойственной и неясной зоне, на пересечении юридического и политического».

Создание подобной *внеправовой территории* позволяет сохранять видимость приличия и творить при этом чудовищные беззакония. Итальянский философ Джорджо Агамбен удивительным образом предсказал *неизбежность появления*

Если завтра



Секьюрити-Мен и Клауд-Вумен — персонажи конференции по кибербезопасности, США

в современном обществе островов «правового беспредела» за 6 лет до 11 сентября 2001 года.

Специфика тюрем вроде Абу-Грейб и Гуантанамо как территорий «чрезвычайного положения» в том, что в них можно пытаться и содержать без суда и следствия, оставаясь при этом в рамках демократического общества и правового государства. Именно по причине *экстерриториальности* этих тюрем и *чрезвычайности* ситуации.

Уже помянутый Джорджио Агамбен в монографии *Homo Sacer* иллюстрирует важность «чрезвычайного положения» для реализации *суверенных амбиций* «Декретом о защите народа и государства», который Адольф Гитлер издал сразу после прихода к власти (28 февраля 1933 года).

Этот декрет позволил нацистской власти формально не отменять Веймарскую республику, и при этом вносить поправки в Конституцию в плане урезания личных свобод. Завабно, что «декрет никогда не был отменен, что с юридической точки зрения позволяет считать Третий рейх чрезвычайным положением, длившимся 12 лет».

История нам показала, что у беззаконий, творимых под прикрытием «чрезвычайного положения», нет пределов.

После глобального переворота в мировом порядке, случившегося 11 сентября 2001 года, *интернет стал экстерриториальной площадкой*, идеально подходящей для любого «беспредела» под прикрытием риторики о «чрезвычайном положении».

Читатель уже догадался, что эта риторика родилась из жупела «между-

народного терроризма» и фантома бен Ладена. Американцы выпустили джинна из бутылки, поэтому подключение к гражданской войне за суверенные права игроков, ранее находившихся на обочине истории, — России и Китая, было лишь вопросом времени.

Полноценная и широкомасштабная кибервойна началась не в декабре 2015 года на Украине, а в 2001 году после принятия «Закона о патриотизме» — неслыханной в истории американской демократии инициативы, поправшей большую часть свобод, которые отвоёвывались американским гражданским обществом на протяжении столетий. И все это под прикрытием «чрезвычайного положения» и «защиты национальных интересов».

Несколько лет российские и китайские властные элиты с восхищением наблюдали за работой старшего брата, кульминацией которой стал киберчервь Stuxnet, разрушивший 1000 (!) ядерных центрифуг на заводе по обогащению урана в иранском Нетензе (совместная израильско-американская операция «Олимпийские игры»).

Апокалиптическая картина понравилась — и понеслось. Примитивные DoS-атаки из арсенала нулевых (2007-й в Эстонии, 2008-й в Грузии, 2009-й в Киргизии) сменились высокопрофессиональной точечной деструкцией последней пятилетки: взлом серверов немецкого парламента в 2015-м, в результате которого мир узнал (и быстро забыл) о фактах слежки американского Агентства национальной безопасности за немецкими политиками высшего эшелона; вредоносное ПО

кибервойна

Враждебность
интернета
будет расти.
И не только
из-за
политики
Кремля

« Современное западное общество идеально описывается концепцией об интегрированном спектакле, в котором медийный образ доминирует над реальностью »

(помните культовый фильм 90-х «Хвост крутит собакой?»).

Медийная доминанта, формирующая реальность в *интегрированном спектакле*, основана не на затыкании ртов (удел *концентрированного спектакля*, характерного для государственного капитализма России и Китая), а на деформации реальности с помощью *непропорционального педалирования нужных мифологем*.

О том, что главным монстром современных кибервойн выступает неолевостовская Россия, каждый день можно прочитать в 99% западных СМИ. О том что подрывная активность АНБ в цифровом информационном пространстве затмевает все остальные страны вместе взятые, тихо шепчут где-то на задворках социальных сетей Эдвард Сноуден, Джулиан Ассанж, да еще пара-тройка чудаков, заклеенных политкорректным обществом нерукопожатных маргиналов. Зачем маргиналам затыкать рот, если вредная информация давно утонула в потоке правильных медийных образов?

Одним словом, кибервойна не «если завтра», а уже давно как наша общая и единственная реальность. И в этой реальности меня лично беспокоит единственный вопрос: как от этого уберечься? Как избежать ситуации, когда утром, открыв компьютер, я увижу на экране замок *ransomware* с требованием энного количества биткоинов в обмен на разблокировку моих файлов, зашифрованных злоумышленником?

Решение, конечно, не комильфо, но ничего лучше заблаговременного создания *персональной территории* для сценариев *чрезвычайного положения* в голову не придумает. В реальной жизни такой территорией станет, наверное, запас круп, спичек и бункер. В киберпространстве спасение от действий враждебного мира — в создании надежного бэкапа вашей цифровой собственности: от писем и файлов до кошельков с криптовалютами.

Главное понимать, что дальше все будет только хуже, кибервойна всех со всеми будет набирать обороты, а враждебность интернета — в свете совершенствования технологий — затмит воображение даже самых лютых мизантропов и пессимистов.

хакерской группы Fancy Bear, внедрявшееся с 2014 по 2016 год в смартфоны украинских офицеров и разрушившее затем 80% украинского арсенала гаубиц D-30; и т.д.

Одним словом, война идет давно и ведут ее все кому не лень: от китайцев и индийцев до бразильцев и канадцев, не говоря уж об украинцах и американцах. Однако слышим мы почти исключительно о русских. Почему?

Если коротко, то дело в традициях отношения государства и общества к информации.

Россия — полноценная наследница Советского Союза, в котором с первых часов октябрьского переворота и на протяжении всей последующей истории всякая информация из-за перемчиности конъюнктуры была чревата государственной тайной и потому строго контролировалась.

Бесконечные переписывания и вымарывания одних и тех же страниц в Большой советской энциклопедии и катехизисе Краткой истории КПСС, гробовая тишина о новочеркасском расстреле и тактическом ядерном испытании на Тоцком полигоне под кодовым названием «Снежок» — подобные традиции делают невозможным и сегодня открытый разговор о кибератаках, которые наносят урон российским компьютерным системам, вполне возможно, что ежедневно.

В отличие от России с ее фигурой бесконечного умолчания, современное западное общество идеально описывается концепцией Ги Дебора об *интегрированном спектакле*, в котором медийный образ доминирует над реальностью

БЛИЦ-ФЕЛЬЕТОН

Петр САРУХАНОВ — «Новая»



Постой, паровоз...

В проекте высокоскоростной магистрали Москва — Казань рельсы сошлись клином

Граждане отъезжающие, покиньте перрон вместе с гражданами провожающими. Скоростного поезда Москва—Казань нет в расписании. И пока не предвидится. Президент России высказал сомнение в необходимости строительства высокоскоростной магистрали (ВСМ), о планах прокладки которой он сам же объявил в мае 2013 года.

Тогда в конференц-столице нашей родины, городе Сочи, проходило некое совещание о перспективах железнодорожного транспорта. Нас с вами туда не пригласили, и мы можем только пофантазировать о том, как было встречено предложение президента. Как только стихли аплодисменты, вероятно, раздался тихий голос с места: «Так это же вагон денег! А нам еще мост в Крым строить!» «Какой Крым? — наверное, посуровел президент. — Какой сейчас год? 2013-й? Не 2014-й же! Не бегите впереди паровоза!»

В 2013 году еще считалось, что Земля плоская. А на плоской поверхности прокладывать пути — одно удовольствие. И проект был встречен отъезжающими и провожающими с энтузиазмом. Подумать только — три с половиной часа от Москвы до Казани. Едва уткнешься в кроссворд, едва задумаешься — «Река, впадающая в Каспийское море. Пять букв, первая «в», последняя «а». Ветка, что ли? Или Висла? Как эта река из пяти букв уже мелькнет за окном. Потенциальные пассажиры искренне интересовались: «А нельзя ли протянуть рельсы до Набережных Челнов, а нельзя ли до деревни Старое Афонькино?..»

Потом пошли общественные слушания. И оказалось, что проект ВСМ сопряжен с массой проблем даже для тех, кто никуда не едет. А не снесут ли при прокладке пути мою дачу? Или рельсы пройдут между двумя моими яблонями, и эта шайтан-арба растрясет их до последнего яблока? Возбуждены экологи и зоозащитники. На слушаниях в городе Зеленодольске (40 километров от Казани) проектировщики объявили, что по территории Зеленодольского района пройдет 29 километров трассы, для чего придется вырубить 150 тысяч деревьев. «При этом не погибнет ни одна птица!» — уверял собравшихся прибывший специалист проектно-изыскательского института «Мосгипротранс». Видимо, предполагалось, что вырубку деревьев оформят как реновацию, а птиц вместе с гусеницами и жуками-короедами переселят в пределах района из старых гнезд в благоустроенное жилье.

Прошло пять лет. Прокладка ВСМ все еще не началась. За это время случилась пара затратных войн, а рубль упал и ушибся. Обнаружилось, что Земля все-таки круглая, а это усложняет строительство и ведет к удорожанию проекта. Денег на ВСМ, подсчитали, понадобится уже два вагона. В связи с тем, что Крым проявил настойчивость и все-таки присоединился, возможные западные инвесторы натолкнулись на санкции. Возможные инвесторы из Китая поставили условие: они хотят использовать свою технологию и свою рабочую силу. А мы сами умеем забивать костыли кувалдой и вообще, если надо, накостыляем кому угодно.

Нет, наш президент не отказался от ВСМ совсем. Он просит, чтобы ему доказали обоснованность затрат. Надо же знать, окупятся ли когда-нибудь все эти рельсы, шпалы, дачи, деревья и птицы. И еще неплохо бы выяснить, какой же русский не любит быстрой езды и найдутся ли у него деньги, чтобы оплатить предполагаемую стоимость проезда.

Борис БРОНШТЕЙН, «Новая»